

Святые князья-мученики Борис и Глеб*

Изучение событий, связанных с трагической смертью и церковным прославлением князей Бориса и Глеба, насчитывает уже почти полторы сотни лет. Однако данная тема по-прежнему остается одной из самых сложных в отечественной медиевистике. Причинами этого являются, во-первых, продолжающаяся дискуссия по вопросу о происхождении и взаимоотношении древнерусских памятников Борисоглебского цикла, во-вторых, наличие существенных расхождений в освещении событий 1015–1019 гг. в отечественных и зарубежных источниках. В последние десятилетия А. Поппе, Л. Мюллер, М. Х. Алешковский, Дж. Ревели, А. В. Назаренко, А. Н. Ужанков рассмотрели и проанализировали практически все аспекты истории гибели и канонизации первых русских святых. На повестке дня уже давно стояла задача создания обобщающего монографического исследования, которое бы аккумулировало достижения последних лет и обозначило направления будущих разработок. Поэтому выход в свет книги Н. И. Милютенко «Святые князья-мученики Борис и Глеб»¹ ожидался с большим нетерпением.

Работа состоит из 2 частей: «Исследование» (с. 5–282) и «Тексты, переводы и комментарии» (с. 283–402). Вторая часть включает публикацию основных памятников Борисоглебского цикла: «Сказания и страсти и похвалы святой мученику Бориса и Глеба», «Сказания чудес святою стратотерпцу Христову Романа и Давида», 3 паремийных чтения, Несторово «Чтение о житии и о погублении блаженую стратотерпцу Бориса и Глеба». В приложениях (с. 404–414) изданы древнейшая проложная статья о Борисе и Глебе на 24 июля, фрагменты книги 2-й «Польской истории» Яна Длугоша², отрывок из летописной повести «О убиении Борисове» по Лаврентьевскому списку с восполнением пропусков по Ипатьевской летописи. Свою цель автор видит в «комплексном исследовании обстоятельств борьбы за власть после

* Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подготовка текстов Н. И. Милютенко. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 432 с.

смерти св. равноап. князя Владимира на основе русских и иностранных письменных источников, данных сфрагистики, нумизматики и археологии».

Во введении к 1-й части работы Милютенко кратко остановилась на специфике почитания святых Бориса и Глеба, указывая, что «причина их гибели только борьба за власть» (с. 6). Исследовательница отмечает, что ни одно из произведений Борисоглебского цикла «не называет Святополка язычником и не пытается представить смерть братьев как мученичество за веру» (с. 6). Действительно, убийцы не предлагали святым князьям отречься от Христа. Братья стали жертвой политического преступления, княжеской усобицы, как многие до и после них. Неслучайно Г. П. Федотов, называя святых Бориса и Глеба «самым парадоксальным чином русских святых», указывал, что в основе их подвига лежит идея жертвенности и «непротивления смерти»³. Их святость — в добровольности жертвы, в нежелании «противиться старейшему брату» и силой настоять на своем земном праве, которому страстотерпцы предпочитают Небесное «неразрушимое Цесарство». Значение мученического подвига Бориса и Глеба для политической системы Древней Руси, основанной на принципе сеньората, связь первоначального почитания святых князей с княжеской династией заставляют поставить под сомнение утверждение Милютенко о том, что культ Бориса и Глеба обусловлен присущим архаическим пластам народного сознания представлением «о праведном правителе», что почитание младших Владимировичей связано с «взаимодействием новых христианских и древних языческих идеалов» (с. 9).

1-я глава исследования «Святые Борис и Глеб и правители-мученики» состоит из 4 разделов. В разделе «Вводные замечания» кратко излагается история убийства и становления почитания святых князей вплоть до состоявшегося в 1072 г. перенесения их мощей в новый храм, организованного старшими Ярославичами. Ссылаясь на исследование Н. Ингэма, Милютенко пишет, что культ правителя-мученика был типичен для «всей северной периферии христианского мира с Запада на Восток» (с. 15). Во 2-м разделе «Правители-мученики — от языческой жертвы к христианскому самопожертвованию» на примере в первую очередь европейских исторических и агиографических сочинений прослеживаются некоторые закономерности складывания культа правителя-мученика. Трудно не согласиться со словами автора о целесообразности изучения почитания святых Бориса и Глеба в общеевропейском контексте. Для сопоставления привлекаются рассказы о гибели и посмертном прославлении королей Нортумбрии Эдвина († 633 г.) и его племянника Освальда († 642 г.), королей Восточной Англии Эдмунда († 870 г.) и Этельберта († 787 г.), конунга Олафа Норвежского († 1030 г.), королей Сигизмунда Бургундского († 524 г.) и Эдуарда Английского († 978 г.), чешского князя Вячеслава († 929/935 г.), королей Кнута IV Датского († 1086 г.) и Эрика IX Шведского († 1160 г.), ярла Магнуса († 1115 г.), а также русских князей Игоря Ольговича Черниговского († 1147 г.) и Андрея Юрьевича Боголюбского († 1174 г.). Исследовательница приходит к заключению об отсутствии единой агиографической модели при описании подвигов правителей-мучеников, но при этом отмечает сходство в становлении

их почитания. Представляет интерес вывод Милютенко о том, что культ правителя-мученика в Европе основывался на «сплаве древних представлений о роли священного царя в обществе с новыми понятиями о христианских добродетелях» (с. 38). Отмечается, что почитание останков правителя-мученика в Европе связано с языческими представлениями о чудодейственной силе тела вождя, которую оно продолжает сохранять и после смерти. «Так, тело Хальдвана Черного, — пишет автор, — при котором были обильные урожаи, было расчленено на четыре части, и каждая была захоронена в своем кургане в каждой из четырех частей Норвегии» (с. 37). Однако очевидно отличие этих действий от христианского по форме и по содержанию почитания останков князей-страстотерпцев (в том числе Бориса и Глеба) на восточнославянских землях.

В 3-м разделе «Прославление свв. Бориса и Глеба при Ярославе» рассматриваются основные хронологические вехи прославления святых князей. Отмечается, что еще в 1015 г. тело Глеба могло быть перенесено с места убийства в смоленскую церковь по приказанию князя Станислава, младшего брата Ярослава. В вышгородскую церковь его мощи были перевезены, скорее всего, в конце 1020-х или начале 1030-х гг. (с. 43). Трудно согласиться с мнением автора о том, что почитание святых зародилось в среде простых горожан и позже было подхвачено княжеской властью⁴, представляется неверным утверждение, что князь Ярослав не поддерживал зарождающийся культ. Не следует забывать, что в своей борьбе со Святополком Ярослав выступал в роли мстителя за убиенных братьев. Об этом свидетельствует и летописная повесть, и Сказание о святых Борисе и Глебе. Более того, согласно Сказанию о чудесах, именно по инициативе Ярослава рядом с могилами святых сначала была построена небольшая деревянная часовня, а впоследствии пятиглавая церковь, расписанная и украшенная «всею красотою». В нее при личном участии князя и высшего духовенства были перенесены мощи Бориса и Глеба. Ссылаясь на «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, в котором, как известно, отсутствует похвала святым Борису и Глебу, Милютенко высказала следующее предположение: «Возможно, Ярослав чувствовал даже некоторое разочарование, что тщетно пропагандируемый им культ равноапостольного Владимира никак не прививался в Киеве, а поклонение убитым в междоусобице братьям распространялось в полном смысле слова, как пожар» (с. 49). К сожалению, автор оставила без внимания аргументацию немецкого исследователя Л. Мюллера, который объяснил причину молчания Илариона⁵. По его мнению, отсутствие упоминания о Борисе и Глебе в момент, когда Ярослав добивался канонизации своего отца, было связано, во-первых, с опасениями произвести неблагоприятное впечатление на митрополита-грека, а во-вторых, с тем, что в отличие от князей-мучеников Владимир не проявил дара чудотворения⁶.

По мнению Милютенко, торжественное перенесение мощей Бориса и Глеба с участием князя Ярослава и митрополита Иоанна I в новую церковь состоялось в 1051/52 г. Основанием для такой датировки выступают следующие слова Сказания о чудесах: «По сих же дньх Ярослав преставися,

пожив добре по съмрьги отца своего лет 38, и оставив наследьники отца своего и приимьники престола своего, сыны своя Изяслава, Святослава и Всеволода, оуправив им, якоже бе лепо. Изяслава Кыеве старейшаго, а Святослава — Чьрнигове, а Всеволода — Переяславли, а прокыя по инем волостьмь, и миноувшем летом 20 и церкви оуже обетьшавъши: и оумысли Изяслав възградити церковь новоу святыима страстотърпце»⁷. Указание на 20 лет исследовательница понимает как определение времени, которое прошло с момента строительства церкви Ярославом до возведения около 1072 г. его сыном Изяславом нового храма: «В “Сказании чудес” говорится, что Изяслав Ярославич начал строить новый храм в память святых братьев, когда церкви его отца “минуло 20 лет”» (с. 45). Между тем, если соотнести это хронологическое указание со строительством церкви Ярославом, оно придется на время святительства Илариона (с 1051 г.). Однако, согласно Сказанию о чудесах, участником перенесения мощей Бориса и Глеба в Ярославову церковь был митрополит Иоанн⁸. Для того чтобы примирить свою гипотезу с показаниями источников, Милютенко предположила, что митрополит Иоанн I «незадолго до своей смерти в 1051 г.» участвовал в перенесении мощей святых в построенную Ярославом церковь (с. 50). Таким образом, ставится под сомнение точка зрения, согласно которой Иоанн I был предшественником митрополита Феопемта, упомянутого в летописи под 1039 г. в связи с новым освящением Десятинной церкви в Кыеве⁹. Однако отнесение святительства Иоанна I к 1040-м — началу 1050-х гг. в работе не аргументируется. На мой взгляд, предложенная Милютенко интерпретация текста сомнительна: указание на 20 лет, скорее всего, имеет в виду период, прошедший со времени кончины Ярослава, что согласуется с указанием на общее число лет его правления после смерти Владимира («пожив добре по съмрьги отца своего лет 38»).

По мнению исследовательницы, канонизация Бориса и Глеба «состоялась только 2 мая 1115 г., когда мощи святых были перенесены внуками Ярослава в пятиглавый каменный храм» (с. 54). Подтверждение этому Милютенко видит в отсутствии упоминания о святых в Послании Владимира Мономаха Олегу Святославичу (1096 г.) и в летописной повести об ослеплении Василька Тербовльского (события 1097–1100 гг.). Отмечается и отсутствие дней памяти Бориса и Глеба в месяцесловах Остромирова (1056/57 г.) и Архангельского Евангелий (1092 г.). На мой взгляд, датировка общерусской канонизации святых князей 1115 г. является неоправданно поздней. Против этого, в частности, свидетельствует упоминание Бориса и Глеба в перечне святых в берестяной грамоте № 906, обнаруженной в ходе археологических работ 1999 г. в Новгороде на Троицком раскопе (усадьба «Е») в слоях, которые датируются 3-й четвертью XI в.¹⁰ В летописной статье 6601 (1093) г., которая современна описываемым событиям, 24 июля упоминается в качестве дня «святою мученику Бориса и Глеба», который имеет обычай праздноваться жителями Кыева¹¹. Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что в 1094/95 г. в Сазавский монастырь в Чехии были доставлены фрагменты мощей святых Бориса и Глеба¹². В том, что общерусское прославление

святых князей состоялось значительно раньше 1115 г., убеждает и анализ состава литургических песнопений Борису и Глебу по рукописям XII в.: самые ранние списки — в июльской минее конца XI — начала XII из собрания РГАДА (ф. 381, Тип. 121, л. 28 об.–31) и кондакаре при Студийском уставе того же времени (Государственная Третьяковская галерея, К–5349)¹³. Относительно отсутствия памяти Бориса и Глеба в месяцесловах Остромирова и Архангельского Евангелий замечу, что этот аргумент сам по себе не может служить основанием для поздней датировки общерусской канонизации святых. Так, в месяцеслове Остромирова Евангелия отсутствует, например, память святым Кириллу и Мефодию¹⁴.

2-я глава «История подвига святых Бориса и Глеба» предваряется кратким изложением авторской концепции истории возникновения и взаимоотношения основных памятников Борисоглебского цикла. Значительная часть 2-го раздела «Русские летописи и иностранные источники» посвящена изложению этапов истории древнерусского летописания XI–XII вв. преимущественно в русле концепции А. А. Шахматова. Анализируя летописные тексты, рассказывающие о времени правления Владимира и Ярослава, исследовательница приходит к выводу, что они писались в разное время и первоначально представляли собой 2 не связанных друг с другом рассказа. Это, по ее мнению, «соответствует традиции византийской хронографии, где история излагалась по царствованиям императоров» (с. 67–68). Высказывается мнение, что время княжения Ярослава было описано «непосредственно создателем Древнейшего свода» (с. 68). При этом ничего не говорится о том, что представляло собой «повествование о Владимире»: где, кем и когда оно было создано. На мой взгляд, гипотеза о одновременности написания историй правления Владимира и Ярослава слабо аргументирована, она не подкреплена текстологическим анализом летописных текстов. Остановлюсь на тех немногих доказательствах, которые приводятся в работе.

Первый довод состоит в том, что рассказу о смерти Владимира и гибели Бориса и Глеба предшествует большая лакуна, охватывающая 996–1113 гг. (с. 64). Отсюда делается вывод о прекращении летописной фиксации событий около 995 г. и ее возобновлении только в годы правления Ярослава. Вместе с тем автор не поясняет, почему время написания статей, повествующих о событиях княжения Владимира в Повести временных лет, следует относить к середине 90-х гг. X в. Вероятно, Милютенко предполагает существование устойчивой традиции фиксации событий на Руси в конце X — начале XI в. по годам. Однако это предположение нуждается в дополнительном обосновании, которого в работе нет. На мой взгляд, лакуна в летописных известиях сама по себе не может служить доказательством перерыва в работе летописца. Если же следовать данной методике стратификации древнейших летописных текстов, то можно, например, заключить, что работа над «сводом Ярослава» протекала в 3 этапа, так как статьи 6542, 6543, 6554, 6556 и 6557 гг. в Повести временных лет оставлены пустыми.

2-й довод Милютенко заключается в том, что описания битв времени Владимира в летописи лишены каких-либо специфических военных подробностей,

тогда как «летописец Ярослава проявлял большой интерес к военному делу» (с. 68). «Даже описание знаменитой обороны Святославом болгарского города Доростола от императора Иоанна Цимисхия... лишено каких-либо специфических военных подробностей, что особенно заметно при сравнении с рассказом о тех же событиях Льва Диакона», — замечает исследовательница (с. 68). Здесь, как и выше, вновь возникают серьезные вопросы к методике работы автора с летописными текстами. Во-первых, какую ценность для сравнения текстов Повести временных лет, содержащих описания сражений времен Владимира и Ярослава, имеет рассказ византийского историка 2-й половины X в.? Во-вторых, на каком основании время написания летописного рассказа о битве под Доростолом отнесено к 995 г.? Почему он не мог быть написан, например, 100 лет спустя автором Начального свода или составителем Повести временных лет?

К сожалению, автор не обращается к работам, в которых гипотезы Шахматова о существовании Древнейшего свода, свода Никона, Новгородского свода середины XI в. подвергаются критике. Вообще складывается впечатление, что к реконструированным Шахматовым сводам XI в. автор относится как к реально существующим текстам, забывая, что они не более чем гипотеза. «Древнейший свод, — пишет исследовательница, — как памятник, созданный в эпоху, когда еще были живы многие очевидцы событий 1015–1020-х гг., представляет для нас наибольший интерес» (с. 64). При характеристике польских латиноязычных источников отмечается: «К сожалению, в отличие от “Хроники” Титмара и Древнейшего свода, они были записаны спустя почти сто, а то и двести лет после событий по припоминаниям» (с. 69).

В параграфе 3 «Предыстория борьбы за власть 1015–1019 гг.» рассказывается о политических событиях на Руси в период с 969 г. (болгарский поход Святослава) по 1014 г. (отказ Ярослава платить дань Киеву). Особое внимание уделяется вопросу о том, кого следует считать матерью Бориса и Глеба. Предположение А. Поппе и В. Я. Петрухина¹⁵, согласно которому ею была византийская принцесса Анна, автор считает неубедительным. По мнению исследовательницы, мать Бориса и Глеба «была взята из Волжской Болгарии после заключения мира в 985 г.» (с. 75). Никаких аргументов в пользу этой версии не приводится. Между тем, имея в виду последующую женитьбу Владимира на Анне и указание источников на сравнительно юный возраст Бориса и Глеба в момент гибели, трудно представить, что святые родились в результате брака, который был заключен около 985 г. Заметим, что в свете «болгарского» происхождения матери Бориса и Глеба более убедительной выглядит мнение о ее принадлежности к правившей на Балканах болгарской царской династии.

Подвергается сомнению версия Сказания и летописи о том, что Борис был посажен отцом в Ростове. Автор отдает предпочтение версии Несторова Чтения, где местом княжения Бориса назван город Владимир (Владимир-Волынский): «Таче посла и потом отец и на область Владимир, юже ему дасть»¹⁶. Следуя гипотезе, высказанной в начале XX в. Шахматовым¹⁷, автор

полагает, что получение Борисом Волыни ущемляло права Святополка, владевшего Туровской волостью, что спровоцировало многолетний конфликт между братьями (с. 78). При этом, однако, остается без объяснения свидетельство Повести временных лет, согласно которому в результате перераспределения княжений между Владимировичами, происшедшего после смерти Вячеслава, Владимир был отдан сыну Всеволоду¹⁸. Не берется в расчет и мнение С. А. Бугославского, который по этому поводу писал: «Приняв во внимание последовательный прием Нестора не называть собственных имен, даже важных для его рассказа, как Киев, Вышгород, Ярослав, Глебовы убийцы, с другой стороны, зная, что Нестор пользуется фактическим материалом только летописи и Сказания, мы полагаем, что Владимир здесь собственное имя князя (его Нестор не избегает), а не название области; слово Владимир, таким образом, является приложением к слову “отец”, но поставлено, с точки зрения современного языка, не на месте»¹⁹.

Параграф 4 «В лето 6523 (1015) г.» посвящен событиям, связанным со смертью Владимира и началом конфликта между его сыновьями. Автор приводит рассказ Яна Длугоша о выступлении Ярослава против Владимира и захвате им отцовской казны, а также о совместном выступлении Бориса и Святополка против новгородского князя²⁰. Отмечается, что расхождения между рассказами Длугоша и Повести временных лет не являются существенными (!). Так, сообщение о захвате Ярославом Киева интерпретируется в работе следующим образом: «Возможно, никакого разграбления Киева, о котором пишет Длугош, на самом деле не было. Ярослав мог прибыть к отцу с вполне мирными намерениями (в тексте сказано, что он “пошел обманом против Киева”), и все ограничилось частной дракой новгородско-варажской дружины с киевлянами» (с. 87). Последующая размолвка Святополка с Борисом объясняется «старыми столкновениями», когда один княжил на Волыни, а другой в Турове, а также давним стремлением Владимира обеспечить младшему сыну киевский стол (с. 90). Милютенко не принимает гипотезу Н. Н. Ильина о том, что убийство Бориса и Глеба было делом рук Ярослава²¹.

Исследовательница ставит под сомнение рассказ Сказания и летописи о том, что Святополк послал послов к Глебу в Муром от имени уже умершего отца с просьбой приехать в Киев. Эта версия «с некоторой натяжкой объясняет, каким образом Глеб попал на Днепр, к тому же намного севернее Киева — в Смоленск» (с. 95). Исторически более достоверной признается версия, изложенная в Несторовом Чтении, согласно которой в момент смерти отца Глеб находился в Киеве. Когда же Святополк сел на киевском столе и начал подготовку к убийству Бориса, Глеб «восхоте отбежати на полунощныя страны, суццю тамо брату святую»²². Спасаясь от «законопреступного» брата, Глеб сел на корабль и поплыл вверх по Днепру. «Эта версия есть только у Нестора, — замечает исследовательница, — но она единственная логично объясняет, как святой оказался на Днепре близ Смоленска и как убийцы смогли его найти» (с. 95). Однако версия Чтения не столь безупречна. Еще в конце XIX в. П. В. Голубовский обратил внимание на неестественное поведение

Святополка, который послал убить Бориса и в то же время позволил Глебу убежать из Киева²³. Заслуживает внимания в данном случае и точка зрения Бугославского, который, предполагая зависимость Несторова Чтения от Сказания, писал: «Сообщение о бегстве Глеба на “полунощныя” страны (в Новгород) к “иному” брату (к Ярославу) подсказано тем же Сказанием, где говорится (немного ниже сообщения о Святополке, призывающем Глеба): “Присла Ярослав к Глебу, река: не ходи, брате, отец ти умьрл, а брат ти убиен от Святопѣлка”. То, что Глеб, несмотря на предостережение, которое могло, конечно, запоздать, все же поехал, должно было удивить Нестора и заставить его изменить фактическое изложение его источников»²⁴. К сожалению, мнения предшественников Милютенко в расчет не берет.

В параграфах 5 и 6 «Война 1016–1019 гг.» и «Русские и скандинавские источники о смерти Святополка» на основе русских, немецких, польских и скандинавских свидетельств излагаются события борьбы за власть между Святополком и Ярославом. Сопоставляя данные «Эймундовой пряди» с «Хроникой» Георгия Амартола и библейскими аллюзиями древнерусских книжников (сравнение Святополка с Авимелехом и Юлианом Отступником), автор пришла к выводу, что Святополк был убит варягами Эймунда по распоряжению Ярослава. Поэтому упоминание о болезни Святополка в летописи появилось вследствие редактирования, предположительно, автором Начального свода, который посчитал, что «намекы на это событие, подразумевавшие участие в деле Ярослава, нежелательны» (с. 131). Однако, на мой взгляд, автор излишне доверчиво относится к рассказу скандинавского источника об убийстве Бурицлава. Дело в том, что сюжет убийства с отрубанием головы и ее демонстрацией брату, содержащийся в «Пряди об Эймунде», вероятнее всего, имеет литературное происхождение. Сюжетно и текстуально он совпадает с рассказом «Саги о Харальде Суровом», в котором викинг Хахон убивает Асмунда, бывшего воспитанника и приближенного конунга Свена. Поэтому есть основания полагать, что рассказ об убийстве Бурицлава «Пряди об Эймунде» представляет собой набор «традиционных мотивов, а его кульминация является переложением фрагментов более ранней и известной саги»²⁵.

3-я глава «Сказание, и страсть, и похвала», состоящая из 9 разделов, посвящена истории сложения Сказания о святых Борисе и Глебе (в книге — «Анонимное сказание»). В 1-м разделе «Общие замечания» справедливо отмечается, что вопрос о взаимоотношении летописной повести и Сказания «по сей день не решен» (с. 134). Действительно, сегодня можно говорить о существовании по крайней мере двух противоположных точек зрения. Согласно 1-й, Сказание было источником летописца, согласно 2-й — представляет собой амплификацию летописного рассказа. Уже в заключительной части 2-го раздела высказывается предположение о существовании «первоначальной редакции» Сказания о святых Борисе и Глебе, которую автор именует «Сказанием страсти» (реже — «Сказание и страсть»).

В разделе 3 «Гибель Бориса» исследовательница сопоставляет рассказы Сказания и летописи, повествующие о смерти Бориса. При этом фрагменты

Сказания, дословно совпадающие со статьей 1015 г., объявляются «вставками из летописи». «Они,— заключает Милотенко,— отличаются от окружающих их текстов по стилю, а в ряде случаев содержат информацию, противоречащую всему остальному изложению Сказания. Таковы сообщения о посольстве Святополка к Борису, о предупреждении Бориса о готовящемся убийстве, о смерти тяжелораненого Бориса на бору от руки наемников-варягов. Безусловно, все фрагменты, противоречащие тексту самого агиографа, были вставлены каким-то редактором, местами работавшим очень небрежно». Отсюда делается вывод о существовании первоначального текста, к которому впоследствии были присоединены обширные летописные фрагменты (с. 145).

Обратимся к тем доказательствам, которые приводятся в подтверждение этой точки зрения. После краткого изложения летописной версии истории гибели Бориса Милотенко обращает внимание на «фактическое расхождение между Сказанием и Повестью временных лет»: «Согласно статье 1015 г., смерть Владимира скрывают от Святополка: “Умре же [Владимир] на Берестовемь, и потаиша и, бе бо Святополк в Киеве”... В Сказании вестник говорит Борису, “како Святополк потаи смърть отца своего”, т. е. Святополк скрыл кончину Владимира от Бориса» (с. 140). Это противоречие в работе не объясняется. Однако есть основания считать, что в данном случае Сказание восходит к летописному тексту. «Вторичность редакции Сказания,— замечает Бугославский,— видна из грамматического несогласования чтений “проймав” и “объртевьше”, “съвесивъше” со “Святопольк”. Автор Сказания по смыслу неудачно исправил неясное чтение летописи. В последней говорилось: “потаиша и: бе бо Святополк Киеве”, и далее в тексте, которым пользуется Сказание: “Святополк же седе Киеве по отци своемь”; вполне естественно было догадаться, что потаил Святополк, особенно если после “и” (“потаиша и бе бо Святополк”) не читать двоеточия и предположить здесь испорченный текст»²⁶.

Далее исследовательница утверждает, что сообщение Сказания о «вокняжении Святополка в Киеве» («Святопльк же седе Киеве по отци») является вставкой из летописи, поскольку «читателю это уже известно из речи вестника» (с. 141). Других аргументов не приводится. Но, во-первых, в сообщении вестника не говорится о вокняжении Святополка в Киеве: «И се приде вестник к нему съказа отчю ему смърть, како преставися отець его Василий (в се бо имя бяше наречен в святемь Кръщении), и како Святопльк потаи смърть отца своего, и ночь проймав помост»²⁷. Во-вторых, упоминание о том, что Святополк «седе в Киеве», было необходимо автору Сказания как переход от пространного рассказа о благочестивых размышлениях Бориса к событийному ряду. Поэтому, на мой взгляд, нет оснований видеть в данном указании «вставку из летописи», которая якобы внесла противоречие в исходный текст Сказания.

Вставкой из летописи объявляется и сообщение Сказания о совещании Святополка с убийцами (в нижеприведенном тексте выделено курсивом), которое прерывает рассказ «агиографа о том же событии». Обратимся к источникам.

Летопись

«Святопол же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшо и вышегородские болярьце, и рече им: Прияете ли ми всем сердцемь? Рече же Путьша с вышегородьци: Можем главы своя сложити за тя. Он же рече им: Не поведуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса. Они же вскоре обещахася ему се створити»²⁸.

Сказание

«Пришед Вышегороду ночь отаи, призва Путьшо и вышегородьские муже и рече им: Поведите ми по истине, приязньство имеете ли к мне? Путьша рече: Вси мы можем главы своя положити за тя. Видев же диявол, и искони ненавидяи добра ч[е]ловека, яко вью надежу свою на Господа положил естъ святой Борис, начат подвижьней бивати, и обреть, якоже преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святополка, по истине вьторааго Каина улови мыслью: яко да избиеь вся наследники отца своего, а сам приметь всю власть един. Тьгда призва к себе оканьнии трьклятии Святопльк съветники всему злу и начальники всеи неправде, и отьврз пресквьрньная уста, испусти зьлыи глас, рече: Путьшине чади, аще убо обещахася главы своя положити, шедше убо, братия моя, отаи, кьде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время убийте и. *И обещахася ему тако створити*»²⁹.

Из приведенных текстов видно, что автор Сказания распространяет рассказ летописи. Если же предположить, что рассказ о совещании Святополка с Путшей и вышегородскими боярами является более поздней вставкой, то тогда будет непонятно, почему, обращаясь к своим сторонникам, Святополк говорит: «Путьшине чади», поскольку нигде выше о Путше не говорится. Еще одно противоречие Милютенко усматривает в рассказе Сказания о гибели Бориса. Агиограф сообщает, что раненый Борис выбежал из шатра и начал читать молитву, в которой возблагодарил Господа за то, что сподобился «труда святых мученик». Помолившись, святой обратился к убийцам с призывом завершить начатое дело: «Братие, приступивьше, сконьчайте службу вашу, и буди мир брату моему и вам, братие»³⁰. Те, кто находился рядом с Борисом, «от слз не можааху ни словесе рещи, от страха же, и печали горькы, и мьногих слз, нъ с въздыханиемь горькымь жалостьно плакаахуса»³¹. О смерти Бориса агиограф сообщает следующей фразой: «И абие усьпе, предав душу свою в руце Бога жива, месяца июлия в 24 днь, преже 9 каланд августа»³². В статье 1015 г. этот рассказ отсутствует. Вслед за сообщением об избииении

отроков Бориса в Сказании, как и в летописи, рассказывается о том, что убийцы обернули тело князя в шатер, положили на телегу и повезли. Через некоторое время оказалось, что Борис еще жив. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, которые пронзили Бориса мечом в сердце. Таким образом, по Сказанию, Бориса убивают дважды. Это противоречие автор объясняет тем, что рассказ летописи был «механически присоединен» к первоначальной версии Сказания о смерти Бориса. Между тем указанное противоречие можно объяснить стремлением автора Сказания распространить рассказ летописи, подчинив описание кончины Бориса законам агиографического жанра (ср. молитвенное обращение Бориса к Богу с просьбой о прощении Святополка, призыв к убийцам исполнить свою миссию, плач окружающих и др.). Это стремление, на мой взгляд, и стало причиной отступления автора Сказания от своего источника — летописи. Еще академик А. И. Соболевский, отмечая зависимость Сказания от летописи, писал: «И здесь правдоподобный рассказ летописи сделался неправдоподобным в Сказании. Последнее, чтобы вложить в уста Борису одну лишнюю речь, заставило его, проколотого копьями, освободиться из-под лежавшего на нем убитого слуги и выскочить из шатра!»³³. Таким образом, нет никаких оснований для вывода о существовании неизвестного ни в рукописях, ни по упоминаниям в других источниках некоего «Сказания страсти» — «первоначальной редакции» Сказания о святых Борисе и Глебе.

В разделах 4 и 5 «Гибель Глеба и обретение его мощей» и «Гибель Святополка и Альтская битва» автор выделила в тексте Сказания те фрагменты, которые принадлежат «Сказанию страсти», и те, которые можно отнести на счет редактора. Сделано это весьма произвольно. Так, например, раздел 5 начинается со следующего утверждения: «В “Сказании страсти” первоначальной редакции не было ни рассказа о войне Ярослава со Святополком, ни читающегося сейчас в тексте Анонимного сказания описания Альтской битвы 1019 г. Агиограф ограничился упоминанием, что Ярослав всегда побеждал Святополка» (с. 154). Никаких аргументов автор опять же не приводит. Таким образом, вся заключительная часть Сказания бездоказательно объявляется более поздней вставкой. Любопытно (с точки зрения методики работы автора с источниками), что при анализе рассказа Сказания о гибели Глеба делается следующее наблюдение: «В отличие от дополнений к части, повествующей о Борисе, летописные фрагменты не нарушают общей последовательности и логичности рассказа о гибели Глеба» (с. 147); и ниже: «Описание убийства Глеба почти дословно повторяет текст из Повести временных лет, но это опять не позволяет утверждать (так!), что вставка была сделана автором “Сказания страсти”. Вспомним, что в повествовании о Борисе к житийному рассказу был просто приписан летописный» (с. 148). Из этих рассуждений хорошо видно, что текст Сказания мало интересует Милютенко: существование «Сказания страсти» не рабочая гипотеза, а аксиома. Раздел 6 «Стиль “Сказания страсти” и летописной повести “О убиении Борисове”» начинается с утверждения, что наличие в современном тексте Анонимного сказания вставок из Повести временных лет или предшествовавших ей летописных

сводов несомненно (с. 166). В связи с этим ставится вопрос: могла ли первоначальная редакция Сказания, «Сказание страсти», стать источником для летописного рассказа? На этот вопрос Милотенко отвечает отрицательно и заключает, что автор «Сказания страсти» пользовался летописным рассказом «О убиении Борисове», хотя и не полностью следовал ему (с. 166).

В разделе 7 «Древность летописного рассказа» отмечается, что повесть «О убиении Борисове» является древнейшей в цикле произведений, посвященных святым князьям. Милотенко обращает внимание, что в летописной повести Борис и Глеб ни разу не названы святыми. Это дает основания для датировки «первоначального летописного рассказа» временем «до канонизации святых» и позволяет отнести его к Древнейшему своду, составленному при Ярославе Мудром. Здесь же констатируется, что данный рассказ стал источником древнейшего Проложного чтения о Борисе и Глебе и «Сказания страсти», а также послужил основой для Повести о мести Ярослава Святополку за убитых братьев, составленной в середине 1040-х гг. Текст летописного рассказа о Борисе и Глебе, известный по Повести временных лет, сложился, по мнению исследовательницы, в Начальном своде. В него вошел «обильный цитатный материал» (что это за «материал» и откуда был позаимствован, автор не поясняет) и «риторические отступления из Повести о мести Ярослава за убитых братьев» (с. 170). Раздел 8 «Датировка Анонимного сказания» посвящен определению времени составления двух сказаний — «Сказания страсти» и Анонимного сказания о Борисе и Глебе. Составление первого, по мнению автора, было приурочено к перенесению мощей святых при Ярославе Мудром в 1051 г., второе писалось около 1115 г., «к столетию гибели святых и к торжественному освящению нового храма» при Владимире Мономахе. Наконец, в разделе 9 «Автор “Сказания страсти”» Милотенко отстаивает гипотезу о принадлежности Сказания о Борисе и Глебе (точнее, его «первоначальной редакции» — «Сказания страсти») Иакову мниху — автору «Памяти и похвалы», высказанную еще в 1-й половине — середине XIX в. М. П. Погодиным и митрополитом Макарием (Булгаковым)³⁴. Кроме уже известных аргументов приводятся и новые. Так, отмечается, что, во-первых, в Сказании и Памяти «особо упомянуто о нападении печенегов во время предсмертной болезни Владимира»; во-вторых, «важным аспектом в определении авторства Иакова следует считать сходство стилистики обоих произведений»; в-третьих, в Сказании, как и в Памяти, имеются вставки из летописи; в-четвертых, оба памятника упоминают о Ярополке Владимировиче, причем в Памяти его судьбе уделено «особое внимание»; в-пятых, общим для этих памятников является «система повторов» (с. 173–174). Указанные доводы не оставляют у автора сомнений, что гипотеза об авторстве Иакова является наиболее вероятной. При этом не упоминаются те аргументы против атрибуции Сказания мниху Иакову, которые были высказаны в XIX — начале XX в. Д. И. Иловайским, А. И. Соболевским, П. В. Голубовским, Н. К. Никольским, С. А. Бугославским, Н. И. Серебрянским и Д. И. Абрамовичем.

4-я глава «Сказание чудес», состоящая из 6 разделов, посвящена истории текста этого произведения. Исследовательница принимает точку зрения,

согласно которой Сказание о чудесах представляет собой самостоятельное произведение, написанное отдельно от Сказания о Борисе и Глебе. Составные части памятника, по ее мнению, представляют собой последовательную работу трех авторов. Здесь Милотенко следует гипотезе Бугославского. 1-й этап работы она датирует 1072–1076 гг., 2-й — 1072–1093 гг., 3-й — временем перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

В 5-й главе «Паремийные чтения святым Борису и Глебу», состоящей из 5 разделов, рассматривается текст так называемых исторических паремий, повествующих о событиях 1015–1019 гг. Вслед за П. В. Голубовским³⁵ автор предполагает существование общего для летописи и паремии источника — «Повести о борьбе Ярослава» (или «Повести о мести Ярослава за убитых братьев»). По мнению Милотенко, составитель гипотетической Повести дополнил рассказ об убиении Бориса и Глеба из Древнейшего свода цитатами из Ветхого Завета и «Хроники» Георгия Амартола, придавшими ему торжественный характер (с. 238). Поскольку цель создания Повести — объяснить причины выступления Ярослава против старшего брата, время ее создания определяется периодом правления этого князя — от середины 1040-х гг. до 1053 г. Отрывки из этого произведения читались на торжественной литургии в день победы Ярослава над Святополком на Альте (24 июля). Предполагается, что сведения Повести впоследствии были использованы прп. Никоном Печерским при составлении летописного свода 70-х гг. XI в. Этот вывод основан на том, что Нестор, который, как полагает исследовательница, работал над своим Чтением о Борисе и Глебе в 1080-х гг., использовал летопись, в которой «источник Паримийного чтения уже был включен» в текст (с. 240). Составление «исторических паремий» датируется в работе временем после 1054 г., а вероятнее всего — вскоре после 1072 г. (с. 246).

Заключительная 6-я глава работы «“Чтение о житии и погублении блаженую страсотерпцу Бориса и Глеба”, творение Нестора» состоит из 4 разделов. Раздел 1 «Нестор — агиограф и летописец» начинается с не вполне понятно кому адресуемого упрека в том, что Нестор Печерский является сегодня «незаслуженно забытым» (с. 249). Используя аргументацию Шахматова, автор датирует создание Чтения и Жития прп. Феодосия Печерского 1080-ми гг. К сожалению, в данном случае не берутся в расчет мои наблюдения, которые позволяют отнести время составления жизнеописания прп. Феодосия к началу XII в.³⁶ В соответствии с гипотетическими построениями Шахматова (без учета современных работ) излагается история жизни Нестора, участие в летописании игуменов Никона и Сильвестра, взаимоотношение редакций Повести временных лет, состав не дошедшего до нас Жития св. Антония Печерского и его влияние на летописную традицию. Поэтому и вывод, к которому пришла Милотенко, лишен всякой оригинальности. «С полной уверенностью, — читаем в заключении, — доказать то, что Нестор агиограф был также автором Повести временных лет, нельзя. Но и отрицать это на основании сравнения летописи с Чтением и Житием Феодосия невозможно» (с. 256).

Значительная часть раздела 2 «Источники Несторова Чтения и композиция произведения» посвящена рассмотрению содержания памятника.

Автор приняла точку зрения Бугославского, согласно которой Сказание было основным источником Чтения. При этом, однако, отмечается, что Нестор располагал «уникальными сведениями», которые «никто, кроме него, не знал»: о княжении Бориса во Владимире-Волыньском, о браке Бориса, о пребывании Глеба в момент смерти отца в Киеве, о нахождении «старейшиной града» мощей Глеба и извещении об этом Ярослава. Хотя о происхождении этих сведений ничего не говорится, в их достоверности автор не сомневается. Между тем появление в Чтении сообщений о браке Бориса, который «умолен был от бояр, да не ослушается отца», и о чудесном обретении мощей Глеба, на мой взгляд, объясняется стремлением Нестора усилить агиографическую составляющую своего источника — Сказания. Так, в рассказе об обретении мощей Глеба Нестору важно отметить, что «охотники» только через год обнаружили тело святого, которое не было тронуто ни зверями, ни птицами; а «старейшина града», извещенный о находке, увидел святого «светящаяся, яко молнии».

Достоверность сообщения Чтения о том, что в момент смерти отца Глеб находился в Киеве, вызывает сомнения. Выше Нестор вопреки Сказанию и летописи пишет, что Владимир оставил Бориса и Глеба при себе, «занеже единаче детеска беста»³⁷. Причину отступления Нестора от сюжетной линии своих источников следует объяснять желанием агиографа отметить совместное пребывание братьев в Киеве, чтобы в житийной манере сообщить об их братолюбии и «тесной духовной дружбе». Так, согласно Нестору, Борис читает жития святых мучеников и выражает желание «по стопам их ходити»; Глеб же внимательно слушает брата и никуда от него не отлучается: «Глеб послушаше его, седя, и не отлучашеся от блаженаго Бориса, но с ним день и ночь послушаше его»³⁸. Это отступление и стало причиной появления рассказа о бегстве Глеба из Киева на «полунощныя» страны к «иному» брату.

В разделе 3 «Особенности стиля Нестора и образы свв. Бориса и Глеба» автор указывает на свойственную Нестору публицистичность и страстность в сочетании с простым и понятным языком (с. 269). Справедливым представляется мнение автора о значении и сути подвига Бориса и Глеба в понимании Нестора. Отмечается, что главным для автора Чтения было акцентировать внимание читателя, во-первых, на покорности святых братьев власти верховного князя, а во-вторых, на их стремлении спасти от гибели ценой собственной жизни верных слуг, которые могли бы погибнуть в результате вооруженного противостояния со Святополком. Эту мысль автор высказала и в заключительном, 4-м разделе «Подвиг Бориса и Глеба в понимании Нестора». Здесь же отмечается, что излишняя политизация Чтения Нестора была причиной того, что оно было не так широко распространено, как Сказание (с. 277).

Общее заключение имеет весьма опосредованное отношение к проведенному исследованию. В нем вопреки ожиданиям читатель не найдет ни рассказа о гибели святых братьев и о становлении их почитания, ни истории создания памятников Борисоглебского цикла. Вместо этого предлагается достаточно краткий и поверхностный обзор истории почитания Бориса и Глеба и ее отражение в последующей литературе.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что главными причинами неубедительности значительной части выводов, к которым пришла Милютенко, следует считать пренебрежение методами текстологического и источниковедческого анализа источников, слабое знание историографии темы, нелогичность частных построений и структуры исследования в целом. Так, в начале 2-й главы автор пишет, что «основой для реконструкции исторической ситуации начала XI в. стали материалы текстологического, литературоведческого и источниковедческого анализа житийных памятников Борисоглебского цикла, летописных рассказов о гибели святых и о войне Ярослава со Святополком, а также иностранных источников» (с. 56). В действительности полноценный текстологический и источниковедческий анализ указанных памятников в работе отсутствует. Методика работы автора такова: сначала предлагается гипотеза, а затем из разных источников (без предварительной оценки их достоверности и взаимоотношений) черпаются факты, способные ее подкрепить. При этом Милютенко не замечает, что высказанное поначалу в качестве гипотезы мнение вскоре трактуется как исторический факт и становится основой для новых предположений. Достоверными в работе признаются лишь те сведения источников, которые укладываются в авторскую концепцию. Весьма показательным в данном случае является использование известий из Истории Яна Длугоша о совместном выступлении Святополка и Бориса против Ярослава. Так, отметив, что комплексного анализа русских известий этого произведения до сих пор нет, исследовательница ограничилась лишь указанием на то, что сообщаемые Длугошем факты взяты «откуда-то в готовом виде» (с. 84–85), а также неясным намеком на некие полоцкие тексты, направленные против Ярослава (с. 69). Почему эти сведения заслуживают большего доверия, чем рассказ Повести временных лет или Сказание о Борисе и Глебе, не поясняется. Еще один пример. Автор приняла версию Чтения о том, что Глеб бежал из Киева вверх по Днепру, пытаясь избежать смерти. Аргументируя свой выбор, она пишет, что версия Нестора «единственная логично (так!) объясняет, как святой оказался на Днепре близ Смоленска» (с. 95). Другие аргументы не предлагаются.

На страницах своего исследования Милютенко неоднократно упрекает «современных авторов», которые не считают с «работами коллег». Однако этот упрек в полной мере можно адресовать самой исследовательнице. Так, существенным минусом работы является отсутствие обстоятельного историографического введения. Слабое знание работ предшественников привело к появлению многочисленных ошибок и неточностей. Приведу несколько примеров. «Никто из исследователей, — пишет автор, — не обратил внимания на знаменательный факт: в сохранившийся текст Анонимного сказания рассказ из Повести временных лет внесен почти полностью» (с. 135). Однако еще в конце XIX в. А. И. Соболевский, сопоставив Сказание с летописью, заключил, что «оно в своей главной части есть не что иное, как извлечение из летописи»³⁹. Это мнение поддержал Бугославский, который, проведя тщательное сравнение текстов Сказания и летописной повести о Борисе и Глебе, пришел к выводу, что данные памятники «находятся в таком близком текстуальном

родстве, что между ними не трудно установить прямую зависимость». Исследователь отметил, что «автор Сказания использовал весь материал летописного рассказа о смерти братьев»⁴⁰. О том, что Сказание является житийной амплификацией летописного текста, в разное время писали Шахматов, Серебрянский и Мюллер⁴¹.

«Название “Анонимное сказание”, — замечает исследовательница, — было предложено Н. Н. Ворониным. До этого существовало предположение, что автором памятника являлся Иаков Мних, пострижник монастыря на Альте, впоследствии монах Киево-Печерской обители, автор “Памяти и похвалы князю Владимиру”» (с. 136). Незнание историографии вновь подвело автора. Еще в конце XIX в. мнение о принадлежности Сказания о святых Борисе и Глебе монаху Иакову подверглось критике со стороны Соболевского, который, между прочим, отмечал: «Изложение крайне слабой в литературном отношении Памяти не имеет сходства с изложением довольно складно и красиво написанного повествования о Борисе и Глебе, и это обстоятельство, в связи с тем, что Иаков, по-видимому, не был знаком с Начальной летописью, а автор Сказания заимствовал из этой летописи почти весь свой фактический материал, говорит в пользу принадлежности этих двух произведений разным авторам»⁴². Эту точку зрения поддержали Н. Левитский, Н. К. Никольский, С. А. Бугославский и Н. И. Серебрянский⁴³. Уже в 1916 г. Д. И. Абрамович имел все основания писать, что «мнение о принадлежности Сказания Иакову Мниху, автору Послания некоего отца к духовному сыну и Памяти и похвалы князю русскому Владимиру, теперь уже оставлено в науке»⁴⁴. Не соответствует действительности и утверждение Милотенко о том, что название «Анонимное сказание» было предложено Ворониным (с. 136). Впервые его ввел в научный оборот Бугославский еще в 1928 г.⁴⁵ Под влиянием его работ данный термин использовал Н. К. Гудзий в своей хрестоматийной «Истории древней русской литературы»⁴⁶. Ошибочным следует признать и следующее утверждение: «А. Поппе обратил внимание на то, что рассказ о строительстве церкви Святославом и его неудачном завершении Всеволодом в “Сказании чудес” начинается следующей частью, а не примыкает к шестому чуду» (с. 183–184). Это наблюдение было сделано задолго до появления работ польского слависта⁴⁷. Согласно Милотенко, «причисление Бориса и Глеба к лику святых впервые объяснил исключительно политическими расчетами Н. Н. Ильин» (с. 50). Между тем в 1938 г. эта мысль была сформулирована в уже упомянутом учебнике Н. К. Гудзиев⁴⁸, а в 1940 г. — в диссертационном исследовании Бугославского⁴⁹. Примеров такого рода неточностей в работе немало. Обращает на себя внимание и отсутствие в исследовании исчерпывающего обзора истории публикации памятников, посвященных святым Борису и Глебу. Более того, в аннотации к работе Милотенко допустила серьезную ошибку, утверждая, что Чтение Нестора не издавалось полностью с 1916 г. Думаю, что эту неточность следует объяснять некомпетентностью автора, которой остались неизвестными фундаментальные публикации памятников Борисоглебского цикла, выполненные Бугославским в 1928 г. и Дж. Ревелли в 1993 г.⁵⁰

Структура исследования в целом представляется неудачной. «Исторические реконструкции» автора определяют обзор и характеристику состава и этапов создания письменных источников. Источниковедческому анализу основных памятников Борисоглебского цикла предшествует изложение событий 1015–1019 гг. Это заставляет автора снабжать текст многочисленными отсылками к наблюдениям последующих глав книги. В своем исследовании Милютенко идет не от источника, а от события, которое ею же реконструировано. Так, в 6-м параграфе 2-й главы доказывается, что Святополк был тайно убит по приказанию Ярослава. Отсутствие этих сведений в летописи объясняется работой редактора. «Когда же была проведена редактура летописной статьи?» — задается вопросом исследовательница (с. 131). И ниже отвечает: «Не раньше составления Начального свода в начале 1090-х гг.» (с. 132). Думаю, что комментарий излишен.

Невнимательностью, по всей видимости, следует объяснять наличие в работе противоречивых суждений и выводов. Как уже отмечалось, в главе 1 Милютенко датирует канонизацию Бориса и Глеба 2 мая 1115 г., «когда мощи святых были перенесены внуками Ярослава в пятиглавый каменный храм» (с. 54). Ниже отмечается, что «в 1072 г. церковное почитание свв. Бориса и Глеба несомненно было признано всеми» (с. 54). Та же мысль звучит в самом начале работы: «Князья Борис и Глеб, в крещении Роман и Давид, сыновья Владимира, крестителя Руси, были первыми русскими святыми, канонизированными православной Церковью. Это произошло не позднее 1072 г., когда их мощи были торжественно перенесены из старой деревянной церкви, построенной еще их братом Ярославом, в новую» (с. 5). В 3-й главе встречаем следующее утверждение: «Полагаем, первая канонизация должна была произойти во времена Ярослава незадолго до 1051 г.» (с. 171). Таким образом, читателю предлагаются сразу 3 даты канонизации братьев: «до 1051 г.», 1072 г. и 1115 г.

Не украшает работу и целый ряд опечаток и фактических ошибок: А. С. Хорышева вместо А. С. Хорошева (с. 8), Б. Н. Рыбаков вместо Б. А. Рыбаков (с. 37), Н. Н. Серебрянский вместо Н. И. Серебрянский (с. 38, 39), Н. Н. Никольский вместо Н. К. Никольский (с. 67, 167, 233), смерть Мстислава Великого датирована 1133 г. вместо 1132 г. (с. 38), время положения мощей святых князей в одном из алтарей чешского Сазавского монастыря определяется 1065 г. вместо 1095 г. (с. 282). В «Содержании» отсутствует 3-й параграф 1-й главы — «Прославление свв. Бориса и Глеба при Ярославе» (с. 429).

Сказанное позволяет заключить, что «комплексного исследования всех обстоятельств борьбы за власть после смерти св. равноап. князя Владимира с полным охватом русских и иностранных письменных источников, данных сфрагистики, нумизматики и археологии» у автора, к сожалению, не получилось. За исключением любопытных наблюдений над спецификой становления почитания святых Бориса и Глеба в контексте западноевропейских христианских традиций ни на один из серьезных вопросов, связанных с историей жизни и гибели святых, с этапами написания памятников Борисоглебского

цикла и с их сложными текстологическими взаимоотношениями, процессом формирования лика святых князей на Руси, рецензируемая работа ответа не дает. Перед читателем, который возьмет на себя труд познакомиться с книгой Н. И. Милотенко, встанет непростая задача разобраться в сложной системе внутренне противоречивых гипотетических построений, не подкрепленных текстологическим и источниковедческим анализом источников.

Ю. А. Артамонов, кандидат исторических наук
(Московский университет МВД России)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. также другие работы исследовательницы: *Милотенко Н. И.* Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. 47. СПб., 1993. С. 65–81; *ее же.* Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни // Там же. Т. 48. СПб., 1993. С. 121–128; *ее же.* Святые Борис и Глеб и другие правители-мученики в Европе // Восточная Европа в древности и Средневековье: Язычество, христианство, церковь: Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 20–22 февраля 1995 г.: Тезисы докладов. М., 1995. С. 38–41; *ее же.* «Речь философа» в Повести временных лет и «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его текст: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 15–17 апреля 2003 г.: Тезисы докладов. М., 2003. С. 171–175; *ее же.* История сложения Паремийного чтения Борису и Глебу // ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004. С. 121–145.
- ² По изданию: *Щавелева Н.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша (книги 1–6): Текст, перевод, комментарии. М., 2004. С. 229–230, 235–236.
- ³ *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 50.
- ⁴ Указанная точка зрения была в свое время высказана Г. П. Федотовым и Г. Ленхоффом (см.: *Федотов Г. П.* Указ. соч. С. 40; *Lenhoff G.* The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts. Los Angeles, 1989 (Slavic Studies. Vol. 19). P. 48).
- ⁵ По мнению Л. Мюллера, «Слово» свт. Илариона составлено из 4 первоначально самостоятельных частей: «Слово о законе и благодати»; подборка цитат из Ветхого Завета о будущем призвании «языщей»; «Похвала Владимиру» и «Молитва от всей Русской земли» (*Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // Понять Россию: Историко-культурное исследование. М., 2000. С. 98).
- ⁶ *Müller L.* Des Metropolitan Parion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962. S. 23–25.
- ⁷ Цит. по: *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2.: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 552. Там же.
- ⁹ См.: *Попте А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 448–449.
- ¹⁰ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Изд. 2. М., 2004. С. 282.
- ¹¹ «Наутрия еже в 24, в святую мученику Бориса и Глеба, бысть плачь [велик] в граде, а не радость, грех ради наших великих и неправды, за оумноженье безаконии наших» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 2001. Стб. 222).
- ¹² *Fontes rerum Bohemicarum.* T. 2. Praha, 1871. P. 251.

- ¹³ Назаренко А. В., Серёгина Н. С., Турилов А. А. Борис и Глеб: Дни памяти, богослужбные тексты // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 49.
- ¹⁴ См.: Мюллер Л. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // Понять Россию: Историко-культурное исследование. М., 2000. С. 79–80.
- ¹⁵ Потте А. В. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 102–120; *его же*. «А от болгарыне Бориса и Глеба» // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / Сост. А. В. Юрасов. М., 2003. С. 72–76; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ, князь, религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 175–179.
- ¹⁶ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 577.
- ¹⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 87–94.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 1998. Стб. 121.
- ¹⁹ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 287.
- ²⁰ Шавелева Н. И. Указ. соч. С. 235–236.
- ²¹ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источники: Опыт анализа. М., 1957.
- ²² Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 579.
- ²³ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895. С. 248.
- ²⁴ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 288.
- ²⁵ Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 522.
- ²⁶ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 288–289.
- ²⁷ Там же. С. 532.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 132.
- ²⁹ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 534.
- ³⁰ Там же. С. 537.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 538.
- ³³ Соболевский А. И. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание о свв. Борисе и Глебе»: По поводу статьи г. Левитского // Христианское чтение. № 5–6. СПб., 1890. С. 802.
- ³⁴ Погоди́н М. П. Иаков мних, русский писатель XI в., и его сочинения // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 1. СПб., 1852. С. 326–334; Макарий (Булгаков), митр. Три памятника русской духовной литературы XI в. // Христианское чтение. Ч. 2. СПб., 1850. С. 301–316.
- ³⁵ Голубовский П. В. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваницкой миее 1547–1579 гг. // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Т. 14. Вып. 3. Киев, 1900. С. 149–152.
- ³⁶ Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2003. С. 173–277.
- ³⁷ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 575.
- ³⁸ Там же. С. 576.
- ³⁹ Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Июнь. С. 397.
- ⁴⁰ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. С. 242–243.
- ⁴¹ Шахматов А. А. Указ. соч. СПб., 1908. С. 33–35; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1916. С. 81–107; Мюллер Л. Летописный рассказ и Сказание о святых Борисе и Глебе: Их текстуальное взаимоотношение // *Russia Mediaevalis*. 2002. Т. XI. С. 22–33.
- ⁴² Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 2. Отд. 2. Киев,

1888. С. 8. См. также: *его же*. В каком году крестился св. Владимир? С. 397–398; *его же*. Год крещения Владимира Святого // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 2. Отд. 2. С. 3, примеч. 1.

⁴³ *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные: По поводу мнения проф. Соболевского // Христианское чтение. Ч. 1. № 3–4. СПб., 1890. С. 408–409; *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902. С. 29–30; *его же*. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). Корректированное издание. СПб., 1906. С. 254–255; *Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914. С. 132; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. М., 1915. С. 105–106.

⁴⁴ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. VII.

⁴⁵ См.: *Бугославский С. А.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка й тексти). Київ, 1928.

⁴⁶ *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1956. С. 97.

⁴⁷ См.: *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. С. 190.

⁴⁸ «Ярослав Мудрый энергично добивался у Византийской Церкви канонизации нескольких выдающихся русских деятелей, в том числе своей прабабки Ольги, но особенно настойчиво — по самым злободневным для него политическим мотивам — своих братьев Бориса и Глеба, убитых из-за политического соперничества со старшим сыном Владимира Святославича, и этого он в конце концов добился» (*Гудзий Н. К.* Указ. соч. С. 96).

⁴⁹ *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. С. 7–8.

⁵⁰ Тот факт, что указанные издания упоминаются в последнем абзаце введения, не меняет дела. Очевидно, ни ту, ни другую публикацию автор в руках не держала. Достаточно сказать, что указание на издание 1928 г. сопровождается ссылкой на диссертационное исследование Бугославского: «См.: *Бугославский С. А.* Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рукоп. дис. на соискание уч. степени д. фил. н. // ИМЛИ. Архив, ф. Бугославского (73), № 1» (с. 12). Однако в экземпляре диссертации, который хранится сегодня в Рукописном отделе ИМЛИ, тексты Борисоглебского цикла отсутствуют. Что же касается издания памятников, выполненного итальянской исследовательницей Дж. Ривелли, то оно даже не приведено в разделе «Источники», помещенном в конце работы.